

Михаил Кречмар

# СЕВЕР И ОРУЖИЕ



# Михаил Арсеньевич Кречмар

## Север и оружие

### Серия «Библиотека Русского охотничьего журнала»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=50203992](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50203992)*

*Север и оружие / Михаил Кречмар: Бухгалтерия и банки; Москва; 2014*

*ISBN 978-5-902479-24-6*

### Аннотация

Книга «Север и оружие» повествует об истории охоты на крупную и пушную дичь нашего Севера, о самой охоте, промысловых животных и оружии для их добывания. Она о том, как именно охота способствовала заселению бескрайних сибирских просторов. Ведь древние охотники шли на восток за северными оленями, а казаки «встречь солнца» – за соболем и моржовыми клыками. Собственно, благодаря охоте Россия и обрела Сибирь, а всё человечество – Америку...

Кроме того, эта книга о том, как охота на крупную дичь кормила далёкие северные экспедиции и пополняла казну молодого Советского Союза. В ней рассказывается, как после крушения СССР она стала самостоятельной (и очень романтической) отраслью туризма.

Также в книге содержится обзор практического применения самого распространённого охотничьего оружия в условиях суровой российской природы.

Для широкого круга читателей.

# Содержание

Введение	7
Часть I	17
Глава 1	18
К Великому льду	18
Охотник и его добыча	24
Первопоселенцы и Америка	30
Культура кловис	36
Охотники на мамонтов	40
Хижины из мамонтовых костей	55
Первое оружие	61
Коллективные охоты	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71



# Михаил Кречмар

## Север и оружие

*Серия «Библиотека „Русского охотничьего журнала“» основана в 2013 году*

*В книгу включены фотографии, выполненные А. Агаповым, Д. Бахолдиным, Д. Блудовым, В. Бобко, А. Гаманом, Ю. Даниловым, С. Еремеевым, Е. Карякиным, В. Котовым, А. Кречмаром, Т. Крокуновой, Д. Лапиным, Д. Мейнардом,*

*Н. Павловым, Д. Поляченко, А. Поповым*

*Фотографии, авторство которых не указано, выполнены автором*

*2-е издание, с изменениями в оформлении. 1-е издание вышло в 2010 году*

# Введение

*Я один из последних охотников старых времён. События, свидетелем которых я был, вновь пережить невозможно. И дичь, и местные племена в том виде, как я их знал, исчезли. Уже никто никогда не увидит огромные стада слонов, никто не услышит воинственных криков копейщиков племени масаи, когда они прочёсывали кусты, чтобы уничтожить львов, нападавших на их скот; мало кто может сказать, что он был там, где никогда не ступала нога белого человека. Старой Африки нет, и я был свидетелем её конца.*

*Дж. Хантер. «Охотник»*

– У нас есть оружие! – говорит мальчик Семён, протягивая мне старую однозарядную мелкокалиберную винтовку ТОЗ-16. Ей больше сорока лет, воронение на стволе давно потёрлось, приклад выглядит серым и выщербленным, как доисторическая берцовая кость мамонта, найденная в торфяном обрыве. Проведя пальцами по толстому, как ломик, стволу, я нащупываю несколько очень характерных колец от раздутий: в ствол попадал снег или мусор, а может быть, в нём застревала пуля от некачественного патрона и кто-то из родственников Семёна выбивал её следующим выстрелом. Но самым интересным в этом оружии представляется затвор: его рукоятка давно отломана, видимо при попытке вытащить

заевшую гильзу ударом о дерево. В стебле затвора сделано отверстие (вероятно, ручным сверлом), и он теперь «управляется» толстым гвоздём, привязанным за верёвочку к шейке ложи.

Но это оружие (я пишу без кавычек!) в умелых руках по-прежнему смертельно опасно. И выполняет свою важнейшую функцию – поражать цель. Возле яранги лежит свежее мясо – нога снежного барана, две бараньи головы. Взяв «мелкашку» из моих рук, мальчик убегает в тундру и, пока я фотографирую яранги, возвращается с только что застреленной куропаткой. При этом я замечая, что возле яранги он предусмотрительно разряжает винтовку – всё тем же гвоздём на верёвочке...

Семён – оленевод. Не мальчик из стойбища оленеводов, а именно оленевод. Ему двенадцать лет, он живёт в тундре всю свою сознательную жизнь. Он родился после 1991 года, поэтому избежал насильственной отправки в интернат, как его соплеменники в 1950-1980-е годы.





Совсем недавно охота была занятием всех.

По-моему, у Семёна даже нет метрики.

Кроме того, Семён не знает, что на нарезное оружие (да и на любое другое) в городе требуется масса бумаг. И он совершенно точно не сможет их оформить.

Но тем не менее старая малокалиберная винтовка выглядит в руках Семёна как продолжение его тела.

А через шесть дней я стою перед витриной очень передового охотничьего магазина в губернском городе М. Я интересуюсь, сколько стоит патрон для отечественной винтовки Мосина, той самой, которой не так давно исполнилось сто пятнадцать лет. Сорок пять рублей.

– Хороший патрон, – говорит владелец магазина Александр, достаёт один из витрины, и искусственный свет играет на аккуратной каннелюре гильзы. – Да, дорогой. Но ведь охота – это занятие не для бедных...

И я снова вижу, как раскосый смуглый мальчик Семён, едва достающий мне до плеча, ловким движением пальцев схватывает висящий под прикладом гвоздь, передёргивает затвор «мелкашки», скидывает её и стреляет.

А ведь было время, когда охота не считалась занятием только бедных или богатых людей. Она была занятием всех.

И это время не так уж от нас далеко, как может показаться сегодня.

Вопреки распространённому утверждению, подавляющее число северных аборигенов Евразии жили не охотой. Их основным занятием было оленеводство<sup>1</sup>. Охотниками были только эвенки, известные в старинной российской этнографической традиции как тунгусы. Но и они использовали оленей в качестве средства передвижения, а также как ограниченный ресурс мяса и шкур.

Охотниками были те, кто пришёл на Север *до* них...

Совершенно точно были охотниками люди, двинувшиеся на Север из своей тропической африканской прародины. Совершенно точно были охотниками люди, построившие хижины из костей гигантских животных на Южнорусской равнине и на Алтае. Точно так же были охотниками первопоселенцы Алдана. И, уж несомненно, охотниками были люди, впервые перешедшие в Новый Свет по травянистым равнинам Берингова сухопутного моста и вышедшие на свободный простор равнин Северной Америки.

Охотниками были первые русские люди, пробившие свою дорогу в Сибирь. Более того, именно благодаря охоте – охоте на одного лишь пушного зверя – Сибирь сегодня считается неотъемлемой частью России. Вы когда-нибудь задумывались, почему карта нашей страны в азиатской части практически совпадает с картой обитания соболя? Вот то-то же...

Охотниками были все без исключения участники север-

---

<sup>1</sup> Якуты были коневодами, но они не являются северными аборигенами в строгом смысле этого слова.

ных экспедиций. Были охотники-промысловики и охотники-спортсмены.

О самых известных из них я постараюсь рассказать в этой книге.

Читатель может в какой-то момент посетовать, что под понятием «Север» в этой книге имеется в виду необычный регион – от Карелии через всю страну наискосок до Уссурийского края, который, как известно, находится на широте Северного Кавказа. Что поделать! Природа оказалась немного несправедлива к нашей стране, и если север европейской части почти до самого Урала испытывает влияние Гольфстрима, то восточное побережье России омывается другими морскими течениями, которые несут холод, а не тепло. Поэтому область с суровым климатом в северной части Евразии (львиную долю которой занимает Россия) выглядит немного «скособоченно».



Далёкие северные посёлки – места, в которых сохранилась

оружейная культура простых людей России.

Что такое «Север» в понимании автора этой книги? Строго говоря, вся территория Российской Федерации находится далеко от экваториальной зоны между тропиками Рака и Козерога, которую принято отождествлять с «Югом». Но при этом надо заметить, что «Югом», даже в значительном приближении, не являются даже такие признанно «субтропические» для российского школьника территории, как Уссурийский край. Снег ложится в Приамурье раньше, чем в Подмосковье, а в южном Сихотэ-Алине в январе стоит такой холод, что ему не позавидует и Колыма. Лично я отнёс к «Северу» область распространения вечной мерзлоты (кстати, в соответствии с отечественным законодательством). Иногда в тексте встречаются исключения: я привожу примеры из практики охот в Центральной Азии и даже на африканском континенте, но всегда оговариваю их специально.

Кроме того, большое количество ссылок на традиционные африканские охоты я поместил в первую главу первой части – там, где повествуется об «охотниках на мамонтов». Что ж, раз уж нам не довелось застать вживе ни мамонтов, ни охотников на них, то будем исходить, как выражаются исследователи, «из ближайшего приближения». Так на страницах этой книги появились пигмеи бамбути и зулусы матабеле.

Другое отступление от тематики Севера я делаю, когда начинаю говорить об оружии исследовательских экспеди-

ций. Дело в том, что больше всего документов сохранилось о среднеазиатских путешествиях, которые снаряжались на средства Военного министерства Российской империи. При этом принципы вооружения экспедиций оставались примерно одинаковыми – что для Н. М. Пржевальского, искавшего путь в Тибет через пустыню Гоби, что для Джона Франклина, отправившегося на поиск Северо-Западного прохода среди неласковой природы и недружелюбных племён.

Кроме того, сразу надо оговориться, что, рассказывая об охоте на Севере, я имею в виду прежде всего охоту на крупного и пушного зверя. Я практически не касаюсь здесь особенностей добычи многочисленных северных птиц – это делает кто-нибудь другой в совершенно другой книге.

Вся история северной охоты – рассказ о том, как люди пытались превратить её в производство. Сперва этим «производством» стали коллективные охоты на лосей, северных оленей и бизонов, затем последовала организация артельного промысла на пушного зверя (нашедшая своё конечное оформление в создании госпромхозов). А в самое последнее время организация производства коснулась и такой охотничьей ветви, как спортивная охота. И если на ещё не освоенных северных равнинах по-прежнему остаётся место фортуны, то в Альпах, Карпатах, Намибии и ЮАР уже вырастает десятое поколение дичи установленных кондиций, предназначенной пасть от меткого выстрела охотника за трофеями. Прежняя охота, с многомесячными экспедициями, лишени-

ями и бесчисленными бесплодными попытками выследить определённого зверя, неминуемо уходит в прошлое.

Но должен сказать, что и в своём современном обличье охота продолжает оставаться охотой! И даже в парковых австрийских лесах и на намибийских ранчо за удачей остаётся последнее слово.

Итак, мой рассказ о том, как люди на протяжении всей своей истории пытались подчинить себе Удачу...

Автор выражает благодарность А. Агапову, В. Аксёнову, В. Арамилеву, Д. Бахолдину, Д. Блудову, Я. и О. Бобылевым, Г. Бронштейну, А. Вайсману, А. Гаману, М. Гунченко, Э. Гунченко, А. Гуриеву, Ю. Данилову, С. Демидовичу, В. Дунаеву, С. Еремееву, К. Еськову, В. Зерзикову, А. Каликину, Е. Карякину, А. Кляцыну, А. Кречмару, Т. Крокуновой, Д. Лапину, А. Лебединцеву, С. Мартынову, Д. Матросову, М. Милчеву, С. Минькову, А. Мохину, О. Мочаловой, Н. Павлову, Д. Поляченко, А. Рузанову, А. Сакулину, С. Соколову, В. Соловьёву, В. Статкевичу, А. Трофимову, Е. Шевченко, Н. Шевченко, А. Шеру, а также Ursula Rack и Johan Schimanski из Музея арктических исследований Альфреда Вегенера в Вене, помогавшим мне рассказами из своего опыта и просто консультациями при написании этой книги.

*Михаил Кречмар*





# Часть I

## Охота как жизнь



# **Глава 1**

## **Охотники на мамонтов**

### **К Великому льду**

Освоение Севера с самых первых шагов человека было тесно связано с охотой. Более того, именно охота и увела первобытного человека в смешанные леса и далее – в тунд-ростепи и тундры, на самый край Великого льда – ледяного щита севера Европы, сибирских горных стран и Кордильер-ского и Лаврентийского ледяных щитов.

Конечно, африканские саванны и джунгли Индокитая, в которых до того обитали предки современного человека, предоставляли этим приматам очень широкие возможности для разнообразия их меню. Более того, изначально пред-ки человека были существами скорее растительоядными, нежели поедателями мяса. Благо, условия предоставлялись для этого замечательные! Но по мере того как люди стали продвигаться на север, мясо начало занимать в их рационе основное место.

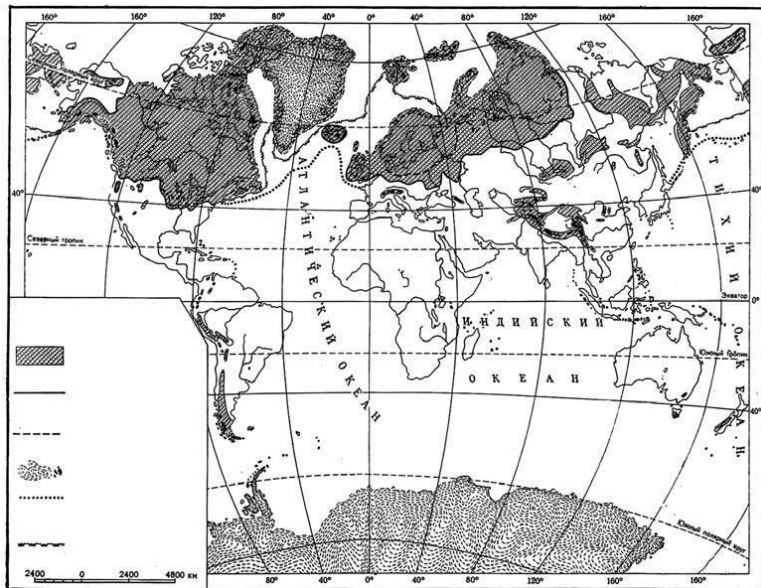
Вообще процесс перехода наших предков с преимуще-ственно вегетарианской пищи на рацион со значительным количеством мяса – один из ключевых в истории становле-ния современного человечества как вида. Вполне возможно,

именно переход от собирательства к охоте и послужил причиной метаморфозы, результатом которой сегодня являемся мы с вами.

Одновременно с этим способность к активному убийству животных и овладение огнём позволили первобытным людям освоить территории, где долго царили холода.

Согласно существующим научным воззрениям предки современных людей покинули рифтовые равнины Восточной Африки около шестидесяти тысяч лет назад. А тридцать тысяч лет назад племена, преодолевшие Ближний Восток, Двуречье и горы Памира и Гиндукуша, достигли Центральной Азии, откуда (из района современных Уйгурии и Алтая) и расселились по всему Северному полушарию. Именно там сформировалось два северных потока миграции, один из которых достиг Фенноскандии, а мигранты из другого потока преодолели Берингийскую сушу и в итоге заселили оба американских континента.

Общий облик нашей планеты в этот геологический отрезок времени сильно отличался от современного. Значительную часть Европы и Северной Америки прикрывали массивные ледяные шапки, чем-то напоминающие антарктические льды.



Карта четвертичного оледенения.

ИСТОЧНИК: КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, Т. 4.

Надо сказать, что ледники тогда не представляли собой такого сплошного (как бы сказали географы – зонального) ледяного покрова на всей планете начиная от определённого градуса северной широты, как это сейчас происходит в Антарктиде.

Главная евразийская ледяная «бляха» диаметром в несколько тысяч километров и толщиной ледяного покрова

в сотни метров закрывала Фенноскандию, большую часть северной Европейской России и Западной Сибири и доходила до устья Хатанги. Другая, такая же, лежала на всей современной Канаде, закрывая доступ к плодородным равнинам Центрального Запада.

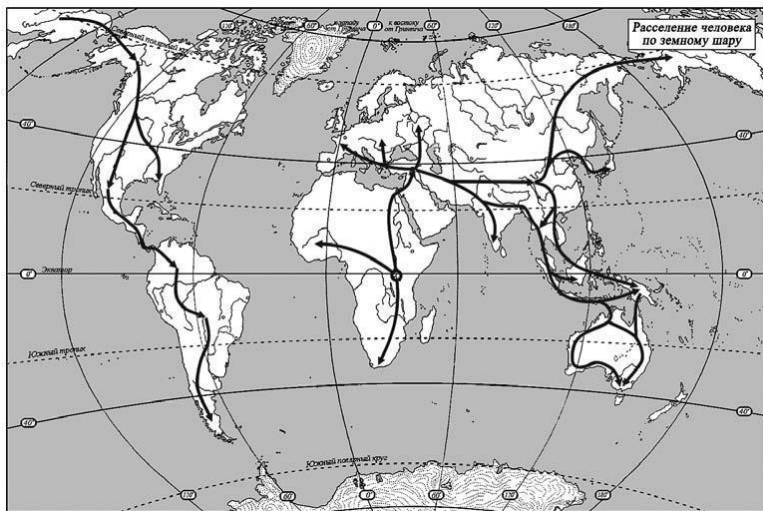
Очертания побережий также были иными. Практически всё, что сегодня является шельфом северных берегов Америки и Евразии, было сушей. Там, где сегодня проходит восьмидесятикилометровый канал Берингова пролива, протекала огромная река, такая же, как Амур или Лена, и Анадырь с Юконом являлись её притоками. Огромные равнины (располагавшиеся там, где сейчас перекатываются волны Северного и Берингова морей, а также Северного Ледовитого океана) походили на нынешние африканские саванны с развитой злаковой растительностью (в науке они приобрели наименование «тундростепи»). И эти саванны давали пищу огромным стадам крупных травоядных млекопитающих – от сайгаков, карликовых лошадей и верблюдов до мамонтов.

Мамонтовая тундростепь окаймляла Великий лёд с юга, востока и запада, а дальше росла хвойная северная тайга...

Первые «северяне» продвинулись к полярным равнинам где-то около пятнадцати-двадцати тысяч лет тому назад. Конечно, они не были предками современных ненцев, нганасан, саамов, тем более чукчей и якутов. Все современные северные народности появились на своей нынешней родине максимум два тысячелетия тому назад (исключение состав-

ляют лишь эскимосы). Прав был Бубер, утверждавший, что «абориген является лишь предыдущим завоевателем».

Кто были первопоселенцы этих земель, мы, скорее всего, никогда не узнаем. Становища их семей медленно перекочёвывали к северу, причём процесс этот был периодическим – то ускорявшимся в тёплые года, то застывающим на месте. Иногда после пары неблагоприятных сезонов главы родов поворачивали обратно. Вряд ли они встречали на местах прежних кочёвок других людей, которые могли бы не пустить их обратно: даже в наше время на Севере ещё существуют территории, где нет человеческих поселений в радиусе ста и более километров, так что уж говорить о том периоде, когда люди только начинали расселяться по поверхности планеты...



Расселение человека по поверхности нашей планеты.

ИСТОЧНИК: Т. МОТОКАВА, «ELEPHANT'S TIME, RAT'S TIME».

Возможно, человек вынужден был держаться ближе к краям Великого льда по одной важной причине, которой мы, живущие в городах и под крышей, не придаём значения. Это кровососущие насекомые, гнус. Не стоит думать, что наши предки были более устойчивы к их укусам, чем мы, сегодняшние. Да это и невозможно: комары, мошки и мелкий гнус стремятся облепить каждый свободный участок кожи теплокровного существа (особенно если он лишён шерсти), забиваются в нос, уши и в любые другие отверстия на теле.

Крупные млекопитающие – лоси, олени и многие другие – безумеют от массовой атаки этих существ. Мне пришлось наблюдать, как группы северных оленей сутками выстаивали на бесплодной, конической, как перевернутая воронка, вершине горы, лишь иногда смещаясь вокруг неё в зависимости от смены направления ветра. Так они спасались от засилья комаров в речных долинах. Положение отягчается тем, что большая часть кровососов вырабатывает антикоагулянты и впрыскивает их в организм, когда высасывает кровь. А значительное количество впрыснутых в кровь антикоагулянтов приводит к физическому ослаблению жертвы, а иногда даже к смертельному исходу. Поэтому люди, как и большинство теплокровных существ, старались следовать по обдуваемым гребням возвышенностей, долинам рек, по которым двигались воздушные массы, и непосредственно возле кромок ледников (холод отгонял кровососов)<sup>2</sup>.

## Охотник и его добыча

Надо сказать, что эта часть стратегии передвижения людей на Севере должна была полностью совпадать с поведенческой стратегией массовых травоядных, таких как сайгаки, бизоны, дикие лошади и северные олени. Именно они стали для древнего северного человека основной пищей, источни-

---

<sup>2</sup> Это же было одной из причин, заставлявших первобытные племена тяготеть к морским побережьям.



ком одежды и, более того, своеобразным пропуском на новые, не освоенные людьми территории.

Вопреки широко распространённому мнению, именно северный олень, сайгак, дикие лошади, а также (в меньшей степени) лось и бизон служили основной добычей первобытных охотников Севера. Довольно сомнительно, чтобы большие человеческие общности могли быть специализированными «охотниками на мамонтов». Мамонт и другие представители так называемой мамонтовой мегафауны если и становились добычей древнего человека, то нерегулярно – вероятнее всего, только в периоды сезонных миграций.



Изображение бизона, сделанное древним человеком.

Костные останки, которые находят на стоянках древнего человека по всей Северной Евразии и Америке (за исключением специализированной культуры жилищ из мамонтовых костей), принадлежат преимущественно сайгакам, лошадям, оленям и бизонам. Но при этом роль северного оленя (на сегодняшний день – самого массового вида тундровых копытных) тоже сильно преувеличена. Об этом говорят раскопки стоянок первых американских поселенцев на Аляске – стоянок Ненана, Денали, Меса или Мит-Маунтин. Кочевники се-

верных равнин, как показывают исследования в центральной части хребта Брукса, на оленей в те времена не охотились. Судя по костным останкам, которые удалось обнаружить на этой территории, северные олени составляли не более трёх процентов от всего количества обитавших там животных (в настоящее время – более девяноста). Но северные равнины – ныне затопленные, а тогда травянистые – обладали биологической продуктивностью, сравнимой с богатством саванн, и «прослойка» зверей, не относившихся к категории мегафауны, была достаточно внушительной, так что скучать редким охотникам не приходилось. Самыми многочисленными были крупные бизоны. Именно они и становились жертвами палеоиндейцев Аляски. Северные олени и овцебыки заселили эти территории значительно позже, когда сменился тип растительного покрова (злаковая тундростепь сменилась арктической тундрой), а большая часть людей откочевала к югу.

Существовали специализированные группы родов (я бы поостерёгся употреблять здесь слово «племена»), охотившиеся на пещерных медведей и, возможно, на тех же мамонтов. Но это можно с полным правом отнести к разряду экзотики.

Дело в том, что одним из видов регулярной добычи палеолитического человека был пещерный медведь. Собственно говоря, существовало два вида пещерных медведей, и, как утверждают специалисты по вымершим животным – палеонтологи, – оба были преимущественно растительноядными. Малый пещерный медведь, размером примерно с совре-

менного бурого мишку, был на редкость уродлив: с опущенным крупом, лобастой головой, маленькими глазками. Большой пещерный медведь достигал, вероятно, размеров современного белого медведя, то есть весил примерно семьсот-девятьсот килограммов. В отличие от пещерных львов эти звери были пещерными не только по названию. Пещерным был весь образ их жизни, они рождались, размножались и умирали в пещерах, выходя из них лишь для того, чтобы попастьись перед их входом. Уязвимость такого медведя была очевидной, и наши предки не могли ею не воспользоваться.

Считается, что если первобытный человек и послужил причиной исчезновения каких-либо крупных млекопитающих плейстоцена, то этими зверями в первую очередь были пещерные медведи.

Фауна «каменного века» современным исследователям известна достаточно хорошо, во всяком случае не хуже, нежели животный мир эпохи динозавров. И учёные едва ли не лучше всех других доисторических видов изучили именно пещерных медведей. Причина этому – обилие их костей в местах основного обитания. Именно по костным останкам в пещерах учёные пришли к выводу, что эти звери страдали от болезней суставов, а также переломов в различных частях скелета, что было следствием постоянного пребывания в узких холодных и сырых каменных коридорах. Кроме того, у многих пещерных мишек наблюдались заметные аномалии в развитии, что, скорее всего, являлось следствием близко-

родственного скрещивания. Инбридинг, судя по всему, был широко распространён у обоих видов этих крупных зверей. По всей видимости, это было вызвано тем, что популяции были очень изолированы.

Однако самую главную роль в вымирании пещерного медведя сыграла деятельность древних охотников. Судя по остаткам трапез в Альпах и Пиренеях, на Урале и на Кавказе, – везде, где наши предки могли добраться до пещерного топтыгина, они превращали его в изрядный и довольно безопасный источник пищи.

Судя по раскопкам, проведённым в Малой Воронцовской пещере (близ Сочи), в этом естественном укрытии было убито и частично съедено как минимум шестьдесят пять пещерных медведей. Археологи предполагают, что палеоохотники не использовали медведя целиком, а довольствовались одной из его задних ног (чаще всего левой). Такое поведение говорит о расточительном отношении древних людей к дичи, что, с одной стороны, свидетельствует об избытке добычи, а с другой – напоминает о том, что у первобытного человека тогда не существовало традиций сбережения мясных запасов.

Доказательства охотничьей деятельности наших очень далёких предков весьма впечатляющи. Обитатели пещеры Эрда, расположенной на территории современной Венгрии, добыли не менее пятисот пещерных медведей. В пещере Нерубайской под Одессой найдены останки более чем четырёхсот

пещерных мишек; рядом, в пещере Ильинской, лежат кости более полутысячи их сородичей. Судя по всему, именно пещерного медведя первобытный человек мог истребить практически полностью: зверь сам создавал условия, при которых его добыча становилась относительно несложным делом.

«Относительно» я пишу потому, что практически никто из нас, ныне живущих и сидящих за компьютером, не может себе представить, какова была эта охота на самом деле. Будучи охотником с тринадцати лет и имея за плечами не менее десяти лет «чистого» пребывания в экспедиционных условиях на Севере, я должен сказать, что, по моим наблюдениям, городские жители часто заблуждаются, говоря о простоте добывания любого живого существа в дикой природе. Любое животное – будь то полёвка, соболь, олень, медведь или мамонт – хочет жить, боится смерти и готово сражаться за свою жизнь до последнего. Даже сидящая в капкане крыса старается перед смертью укусить обидчика. Поэтому я уверен, что даже при тогдашнем изобилии дичи охота первобытных людей не была безопасной и лёгкой и не проходила без потерь для плохо вооружённых охотничьих групп.

## **Первопоселенцы и Америка**

«Дранг нах остей» у палеоазиатских племён проходил медленно и неровно. От дюктайских стоянок в низовьях Алдана до территории Берингии – обширной суши, прорезан-

ной долинами огромных рек, которая располагалась на месте современного Берингова моря, – предки палеоамериканцев продвигались около десяти тысяч лет.

Сейчас принято считать, что основные маршруты заселения американского континента проходили по самой тихоокеанской береговой линии. Соответственно большая часть этих следов теперь скрыта на охотоморском и берингоморском шельфах. Но проблема, может быть, ещё и в том, что материковые районы северо-востока Сибири довольно слабо изучены в археологическом плане. Конечно, наши исследования не идут ни в какое сравнение с этнографической машиной исторической науки, работающей в Северной Америке, но ведь хоть какие-то свидетельства продвижения людей по внутренним районам должны были остаться?

Тем не менее все эти свидетельства считаются ненадёжными.

Стоянки древних людей, которых принято считать первопоселенцами Америки, были стоянками охотников за копытными. Например, основной памятник культуры Меса на арктической Аляске располагается на скальном останце, возвышающемся над равниной. Скорее всего, это был наблюдательный пункт для древних охотников, следивших за приближением бизонных стад.

Описание быта стоянки Меса в хребте Брукса сразу опровергает два расхожих мнения о первобытной Америке. Прежде всего, стоянок первобытных людей было совсем

немного. Немногочисленны были и населявшие эти стоянки древние охотники. Но и фауна Нового Света не была столь обильна, как мы можем себе представить по популярным фильмам.

Когда идёшь по пляжу Берингова моря, например где-нибудь между посёлками Сиреники и Нунлигран, то понимаешь, что шагаешь по огромному единому археологическому памятнику. Свидетельства истории, рассказывающие о живших здесь людях — как в незапамятные времена, так и совсем недавно, — встречаются здесь путника на каждом шагу. Вот впереди подмытый прибоем сухой спуск морены. Его вершину венчает чёрный пласт плодородной почвы. Здесь, в Приполярье, такая земля не появляется из ничего. Скорее всего, тут располагалось человеческое жильё. Отходы от пищи, экскременты людей и животных, куски кожи и древесины, использовавшиеся в хозяйстве, сгнили и проросли плотными корнями растений. Но сгнило не всё. Чуть-чуть копнув находящуюся на уровне глаз «линзу» почвы, путник достаёт из неё обломанный наконечник дротика, сделанный из бивня моржа.





По таким долинам двигались предки современных индейцев завоёвывать Америку.

Ещё триста шагов по хрустящей гальке. На горизонте прорисовываются резкие изгибы прибрежных сопок. Они нарисованы акварелью, а потом аппликацией с резкими затенёнными краями положены на блёклое размытое небо.

Интересно, такую же картину видели перед собой люди, шедшие этим же берегом десять-двенадцать тысяч лет назад?

Впереди глаз цепляется за зелёное пятно прямо на гальке. Пятно находится довольно высоко, а значит его десятилетиями могут щадить осенние мощные штормы. Посреди травы торчит одинокое ребро кита. Кто его воткнул здесь, посреди своей старой стоянки, зачем? И когда? Пятьдесят лет назад? Сто? Триста?

Путник присаживается на терраску возле устья

впадающего в море ручья. Он пытается укрепить конец посоха в тонкой прозрачной дерновине. В какой-то момент прочный обугленный конец деревяшки прокапывает в грунте борозду и на свет божий выпадают скрытые в ней несколько столетий каменные чешуйки – нуклеусы. Когда-то, давным-давно, какой-то первобытный умелец несколькими точными движениями превратил грубую заготовку из дикого камня в наконечник дротика или рубило.

Ты спускаешься вновь на гальку, и сине-зелёная летняя волна выкатывает к твоим ногам гильзы от винчестера, выстреленные в XIX столетии.

Но никем не доказано, что древние люди пересекали Берингию именно здесь, в самом узком месте, какое нам известно сейчас. Вполне возможно, что они прошли в Новый Свет южным путём, там, где сегодня вершины гор торчат Командорскими и Алеутскими островами, а реальные пути доисторических странников скрыты маслянистой массой холодной океанской воды. И уж точно они не подозревали, что совершают одно из главных географических открытий своего вида.

Когда анализируешь описания характера поселений первобытного человека на азиатской и американской стороне Берингии, невольно думаешь о том, что российские исследователи концентрировались на приморской, а американские – на материковой культуре первобытных мигрантов.

Как бы то ни было, «первые люди в Америке», пройдя по

чужому материку всего несколько сотен миль (не подозревая, конечно, что это – другой материк, просто они пересекали огромную холмистую равнину), упёрлись в огромный ледник, который должен был показаться им «концом света».

Некоторое время люди существовали на этом «краю света», не видя никаких перспектив. По равнине бродили бизоны – здоровенная рогатая скотина весом около полутора тонн. Они и становились основной добычей первобытных охотников.



Кусок черепной коробки с рогами ископаемого бизона.

Бизонов паслось довольно много, но нападать на них с примитивным оружием было опасно. Куда более лёгкой добычей на американских берингийских холмах был другой вид крупных копытных – овцебык.

В этом можно увидеть иронию судьбы, но многочисленные стада могучих бизонов прискус в итоге исчезли с лица земли, а вот, казалось бы, на первый взгляд гораздо менее устойчивая популяция овцебыков сохранилась до наших

дней. Это косвенным образом свидетельствует, что отнюдь не влияние человека сыграло решающую роль в уничтожении крупной фауны млекопитающих каменного века. Можно здесь также найти подтверждение гипотезы о том, что именно смена растительности сыграла решающую роль в изменении состава фауны: бизон был исключительно травоядным животным, в то время как овцебык питался листвой кустарников и лишайниками.

Однако ледяной щит, который отделил Берингию от основной части американского материка, судя по всему, не был сплошным образованием. Считается, что между Лаврентийским и Кордильерским ледниковыми щитами существовал проход – так называемый коридор Маккензи, названный по имени одной из великих рек американского Севера.

Вот по «коридору Маккензи» или же вслед за постепенно таявшими ледниками Кордильерского ледяного щита племена первобытных охотников и вырвались на оперативный простор американского континента.

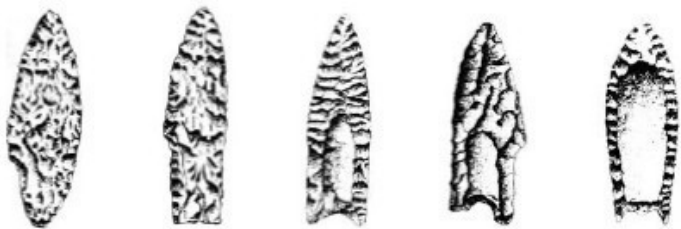
Именно с их появлением на этих просторах и связаны знаменитые загадки культуры кловис.

## **Культура кловис**

Эта культура получила своё название благодаря городу Кловис (местность Льяна-Эстакада) в штате Нью-Мексико, где впервые были обнаружены следы её присутствия.

Одна из загадок культуры кловис – в том, что период её распространения совпадает по времени с одним из самых массовых в истории Америки вымиранием животных.

Люди кловис были одними из первых насельников североамериканского континента. К определяющим признакам их культуры относятся очень тщательно изготовленные наконечники дротиков и копий, имевшие характерную технологическую особенность – жёлобообразные сколы у основания наконечника, что облегчало его насаживание на древко. Некоторые исследователи, такие как С. Васильев, считают эту особенность «первым чисто американским изобретением».



Артефакты культуры кловис.

Другой загадкой культуры кловис было её мгновенное (по доисторическим меркам) распространение по обоим американским континентам. Наконечники, относящиеся к этой культуре, были найдены в Нью-Мексико, Флориде, Теха-

се и даже в Патагонии. Складывается впечатление, что люди, пройдя узкое горло ледникового коридора, молниеносно расселились по материку.

Некоторые исследователи активно обсуждают идею о «блицкриге», с которым люди кловис прошли по американским континентам, уничтожая наиболее значимых представителей фауны – мамонтов, мастодонтов, верблюдов, лошадей, а попутно и крупных хищников. Как и всякому теоретическому умствованию, идее «блицкрига» не хватает фактической «подкладки», впрочем как и её оппонентам: те рассуждают о различных происходивших синхронно катаклизмах – от глобальных изменений климата до таинственных эпидемий. Но, поскольку времена были древние, а дело тёмное, цена что тем, что другим умопостроениям примерно одина.

Но то, что время достижения человеком основной части американского материка и массового вымирания животных совпадает, является историческим фактом.

Сторонники гипотезы доисторического «блицкрига»<sup>3</sup> утверждают, что проникновение человека на территорию Северной Америки напрямую вызвало резкое сокращение числа видов крупных млекопитающих на этом континенте.

Но позвольте!

---

<sup>3</sup> Пока умозаключения не имеют под собой прямой «доказательной базы», как принято говорить у следователей, цепь умозаключений называют *гипотезой*, а не *теорией*!

Вселение первобытных племён на американский континент с изолированного плацдарма на Аляске было напрямую связано с таянием Кордильерского ледяного щита, а значит и со столь же глобальными климатическими изменениями, которые должны были сказаться на американской мегафауне гораздо заметнее, чем заселение континента немногочисленными, хотя и достаточно активными хищниками.

Преимущественным видом деятельности людей кловис была охота. Охотиться им, судя по всему, помогало и то обстоятельство, что местная фауна не была приспособлена к встрече с таким агрессивным и всесторонне развитым хищником. Скорее всего, первые столетия своего пребывания в Америке люди как раз и пользовались «неведением» её прежних четвероногих обитателей.

Никакой эффект «сверхубийства» (overkill) не может объяснить столь массового исчезновения крупных млекопитающих, которое произошло в тот отрезок истории. Здесь есть множество аргументов: и очевидная немногочисленность людей, и низкий репродуктивный уровень человеческого племени (конечно, можно предположить, что все женщины начали рожать двойни и тройни, но нельзя сбрасывать со счетов высокий уровень детской смертности, неизбежный при отсутствии медицины), и невысокие охотничьи способности наших предков, не позволявшие им без потерь успешно убивать самых крупных млекопитающих Великих равнин. Не стоит забывать ещё и тот факт, что именно в Север-

ной Америке древние люди должны были конкурировать с двумя самыми крупными и, вероятно, смертельно опасными для человека видами крупных кошек – смилодоном (в просторечии саблезубый тигр, *Smilodon populator*) и так называемым ужасным львом (он же американский лев, *Panthera leo atrox*).

Необходимо также добавить, что даже спустя десять тысяч лет после своего распространения по материку (то есть в момент появления европейцев) коренные (теперь уже) американцы заселяли страну с очень невысокой плотностью, а на бескрайних просторах Запада понятие земельной собственности у них фактически отсутствовало. Это тоже говорит об очевидной избыточности охотничьих ресурсов и достаточной сложности их добывания.

## Охотники на мамонтов

Культуры первобытных охотников с обеих сторон Берингова пролива описаны достаточно хорошо. И здесь нам самое время вернуться к вопросу, а точно ли эти люди были «охотниками на мамонтов».

Археолог Александр Лебединцев усмехается в усы:

– Интересный вопрос. Мы совершенно точно можем доказать, что на Северо-Востоке одновременно жили и мамонты, и люди. Но у нас нет однозначных свидетельств, что люди использовали мамонтов в пищу или мамонты занимали



значительное место в их материальной культуре. То есть, конечно, можно увидеть силуэт мамонта в округлой гальке, подобранной на территории стоянки, или объявить мамонтами похожие на шашечки костяные кругляшки. Но понимаете, давно всё это было, никто нам об этом не расскажет.

Рассказать – не расскажет. Но вот что любопытно. На раскопках стоянок, сделанных известным археологом Мочановым на Алдане и Лене, находили кости мамонтов, причём в изрядном количестве. На втором месте по встречаемости – кости бизонов, лосей, оленей, лошадей. Но...

Здесь мы встречаемся с одним из крупнейших «но» археологии...

В некотором роде любое научное исследование сродни поискам часов под фонарём с неизменным объяснением, что «там светлее».

Это объяснение вызывает смех, но по сути оно не абсурдно, ибо там, где фонаря нет, что-либо найти вообще невозможно. Так и здесь: мы имеем дело с *сохранившимися* останками животных.

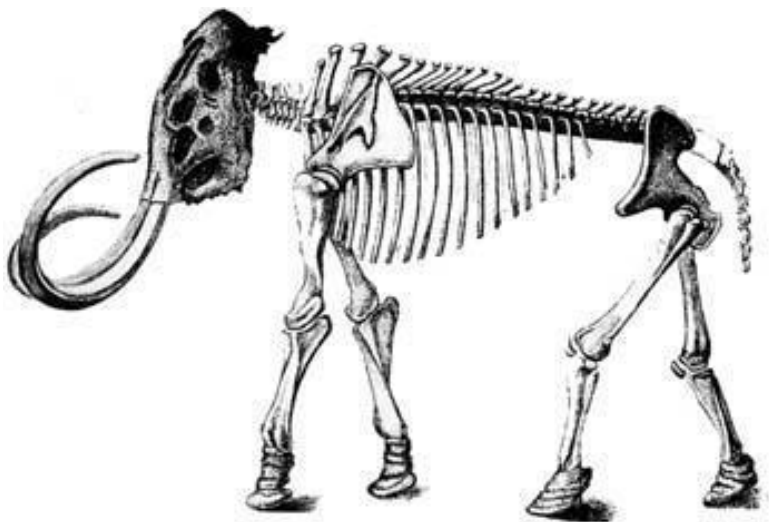
А наибольшие шансы сохраниться – именно у останков животных крупных, более того – гигантских... А уж если эти гигантские останки ещё и состоят из материала, неизмеримо более устойчивого к разложению, нежели трубчатые кости, – скажем, из...

Из чего-то, напоминающего слоновую кость...

А теперь смотрим другими глазами на перечень находок,

сделанных археологами на якутских стоянках.

«Определимые кости принадлежали мамонту – 4 (из них 3 – обломки бивней)»; «определимые кости принадлежали мамонту (7) – все они представлены обломками бивней»; «определимые кости принадлежали мамонту – 671 (все они представлены обломками бивней)»...



Скелет мамонта,

А чем были бивни мамонта для первобытного человека, как не уникальным (и в придачу податливым в обработке) материалом для инструментов – наконечников копий и стрел, игл, заколок? Своеобразной «пластмассой» палеоли-

та!

Только такой пластмассой, которую можно было найти при случае на отмели или даже добыть. Поэтому логично предположить, что бивни мамонта и изделия из них играли в жизни первобытных народов немалую роль. Их в той или иной степени берегли, таскали за собой. Случалось, что оставляли на стоянках или теряли там же...

Так что обилие костей мамонтов (в частности, обломков бивней) на палеолитических стоянках может быть легко объяснено:

а) более высокой по отношению к другим костным останкам сопротивляемостью «слоновой кости» воздействиям внешней среды;

б) использованием материала бивней для изготовления орудий;

в) и как следствие этого – целенаправленным сбором бивней павших животных и складированием их в стойбищах.

И кто сказал, что обилие бивней мамонта или даже их костей свидетельствует о том, что именно эти животные были главным источником пищи бродячих охотников палеолита и неолита?

Когда специалисты-археологи, такие как Н. Диков, говорят о «кризисном состоянии» охоты на мамонтов и переходе в связи с этим на более мелких представителей фауны, это, как правило, ничем не подтверждается.

Установить хотя бы какое-то подобие истины в истории

человечества в дописьменный период – задача как неблагодарная, так и забавная одновременно. Дело в том, что у нас нет ни относящихся к тому времени устных свидетельств, ни значительных памятников архитектуры. Мы можем судить о жизни наших пращуров лишь по плохо сохранившимся предметам повседневного быта, причём сам этот быт для нас является загадкой. Таким образом, учёные попадают в заколдованный круг: они объясняют значение предметов, *исходя из собственных представлений о том, какой могла быть жизнь неизвестных им людей в неизвестных им условиях...*

Кроме того, свидетельством ограниченности влияния человека на «мамонтовую фауну» Севера может служить то обстоятельство, что мегафауна в Африке, которая продолжала оставаться густо населённой людьми, отлично сохранилась до самого появления в ней европейцев с огнестрельным оружием.

Стоит также заметить, что практически одновременно с волосатыми слонами – мамонтами и мастодонтами – и «примкнувшими к ним» в массовом сознании шерстистыми носорогами с северных равнин приполярных областей пропали такие широко распространённые животные, как сайгаки и дикие лошади, а также некоторые виды антилоп и оленей. Часть из них исчезла повсеместно и потеряна безвозвратно, а некоторые другие виды сохранились на территориях с более тёплым климатом или в принципиально иных условиях, как, например, лесные зубры в Европе.

В принципе, был проведён исчерпывающий анализ (исчерпывающий – в том виде, в каком он возможен для современной науки), касающийся массового исчезновения некоторых видов плейстоценовой фауны. Он подготовлен П. Кочем и А. Барновски в 2006 году и опубликован сразу в нескольких американских академических изданиях.

Американские исследователи для начала обратили внимание на то, какие роды вымерли на одном континенте, но при этом выжили на остальных.

В наименьшей степени пострадали Африка и Северная Евразия. На территории Африки – общепризнанной колыбели человечества, где плотность населения всегда была одной из самых высоких в мире, – вымерло семь родов млекопитающих, три из которых выжили на других континентах, при тридцати восьми сохранившихся родах. В Северной же Евразии насчитали всего четыре вымерших рода крупных зверей, при том что общее число сохранившихся форм плейстоценовой фауны – семнадцать.

Более значительно пострадали Австралия (количество вымерших родов там составило четырнадцать при всего двух выживших) и Северная и Южная Америки (вымерло – двадцать восемь и тринадцать, выжило – сорок восемь и десять соответственно).

Здесь, правда, как и в научно-популярных статьях, есть элемент лукавства. Дело в том, что количество видов мелких млекопитающих, вымерших за этот же период, в несколь-

ко раз превышает количество исчезнувших в это время видов мегафауны. Что само по себе ставит под сомнение идею об антропогенном воздействии человека на популяции крупных млекопитающих.

Одновременно с человеческим вселением в приполярных областях Северного полушария произошла географическая революция. За несколько тысяч лет исчезли обширные травянистые высокопродуктивные равнины, на их месте широко раскинулись волны Северного, Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова морей.

Исследователи полагают, что ключевыми словами при анализе вымирания крупных растительноядных животных будут не «исчезли равнины», а именно «исчезли травянистые равнины».

Здесь мы сталкиваемся с феноменом: несмотря на то что тропический лес, сельва, тайга выглядят в плане растительности весьма внушительно, все они не могут соперничать по общему росту биомассы с травянистыми равнинами. Будь то хоть саванна, хоть монгольская степь, хоть степь прикаспийская. Рискую показаться тривиальным, но дело в том, что трава растёт...

И даже после того, как съедается, – тоже растёт. И даже после того, как сгорает, – всё равно растёт. Поэтому подобные территории и дают наивысший прирост растительной массы за тёплый период.



Череп шерстистого носорога.

Почему мамонту не прокормиться в современной тайге и, тем более, в тундре Северной Европы, Сибири и Америки, замечательно рассказывает учёный-палеонтолог Кирилл Еськов, которому и даю слово:

«Злаки с их стеблем-соломиной обладают, в отличие от большинства трав, не верхушечным, а вставочным ростом: если отъесть у них верхушку, они начинают лишь быстрее расти. В некотором смысле травяной биом подобен волшебному горшочку из сказки братьев Гримм – чем больше ту кашу ешь, тем больше её становится. Именно поэтому в степях растительоядные животные (копытные, грызуны, саранчовые) могут без вредных для экосистемы последствий одномоментно изымать до 60 % растительной биомассы – цифра, совершенно немыслимая для лесных сообществ наподобие нашей тайги или того же тропического леса. Вот и выходит, что фотосинтезирующей биомассы в степной экосистеме в каждый отдельный момент вроде бы и немного (по сравнению с лесами), но за счёт высокой скорости её прироста можно прокормить гораздо больше (чем в лесах же) копытных и хищников – вспомните знакомые всем нам по телепередачам „В мире животных“ картины африканских саванн или неисчислимые стада бизонов в распаханых ныне прериях...

Так вот, одним из таких высокопродуктивных травяных биомов во времена Великого оледенения были холодные сухие степи, окружавшие ледниковый



щит. Этот исчезнувший ныне ландшафт получил название „тундростепь“. Термин возник оттого, что тамошняя фауна (её так и называют – „мамонтная фауна“) представляла собой странную смесь: часть её сохранилась в современной тундре (северный олень, овцебык), часть – в современной степи (сайгак, бизон), а часть (мамонт, шерстистый носорог, пещерный лев, саблезубый тигр) была характерна лишь для этой экосистемы и исчезла вместе с ней.

...В эпоху оледенения, когда колоссальные количества воды оказались заморожены в ледниковом щите (создававшем к тому же устойчивый антициклон, что дополнительно иссушает климат), эти сухие степеподобные ландшафты распространились на огромные площади. При наступившем же 10–12 тыс. лет назад потеплении, когда ледниковый щит растаял, отступив до примерно нынешних его границ, климат стал гораздо более влажным. Место тундростепей заняли тундра современного типа и северная тайга, где основу растительного покрова составляют не злаки, а мхи, которые практически несъедобны для большинства животных; изолированные же пятнышки горных „реликтовых степей“ просто неспособны прокормить популяции копытных и хищников, составлявших „мамонтную фауну“».

Здесь, правда, надо отметить, что злаковая тундростепь, вероятно, мозаично переплеталась с гораздо более бедными биотопами тундрового типа. Ничем иным нельзя объяснить

одновременное соседство в мамонтовой фауне таких видов, как дикие лошади, бизоны, северные олени и овцебыки.

Мы сможем наглядно представить себе охоту на мамонтов и других крупных представителей мегафауны, если обратимся к опыту примитивных племён африканского континента, которые до самого недавнего времени занимались собирательством и добычей диких зверей.

Должен заметить, что охоту и собирательство у большинства африканцев с незапамятных времён заменили скотоводство и земледелие. Но немногочисленные общины и даже целые народности, жившие охотой, на территории континента остались и поныне.

Сразу надо оговориться: охотились уже с помощью оружия с металлическими наконечниками. Правда, металл большинства орудий африканцев был мягким и довольно низкого качества, поэтому вряд ли с помощью подобного оружия можно было добиться лучших результатов.

В большинстве своём слонов убивали двумя способами: их или загоняли в специальные траншеи, где добивали сверху копьями, или ловили в ловчие ямы с копьями, врытыми в дно. На сооружение этих ловушек уходило много времени и сил, а их эффективность была невысокой. Звери вскоре меняли пути своих перемещений, а при всех неоспоримых достоинствах ловчих ям или траншей-ловушек их невозможно перевозить с места на место.

В современной русскоязычной популярной литературе

довольно часто упоминается такой интересный способ охоты на слонов, якобы принятый у пигмеев Центральной Африки:

«Всем видам добычи пигмеи предпочитают слонов – мяса в гигантской туше хватает на всю деревню. Пигмеи идут по лесу в полном молчании, стараясь, чтобы ни одна веточка не хрустнула у них под ногами. Выследив слона, они преследуют его иной раз по нескольку дней, питаясь лишь съедобными растениями. Нужно дождаться, когда животное заснёт, лишь тогда можно напасть на него. Главная задача охотника – попасть стрелой в сухожилие под коленом задней ноги гиганта. Когда обезумевший от боли слон бросается на стрелявшего в него человека, второй охотник, подкраившийся с другой стороны, стреляет ему в другую ногу. Если обе стрелы достигли цели, животное падает, и тогда охотники ножом отрезают ему конец хобота. В течение нескольких минут истёкший кровью слон погибает.

...Существует и другой способ охоты, но им как более опасным пользуются редко. Охотники берут с собой в лес копьё с длинными древками и наконечниками, зазубренными по краям. К древку привязана верёвка. Копьё, втыкаясь в тело слона, не может выпасть из раны – не позволяют зазубрины, длинное древко и верёвка цепляются за кусты и ветки деревьев, и наконечник раздирает рану до тех пор, пока животное не погибает, истекая кровью».

Должен сказать, что мне не удалось найти первоисточник

этого описания в исследовательской литературе. Так что, скорее всего, это один из трюков современной рекламной индустрии, призванной развлекать и одновременно завлекать читателя и будущего туриста.

Джон Хантер, охотившийся в лесах Итури вместе с пигмеями, говорит лишь о добывании слонов с помощью разнообразных ловушек, в частности ловчих ям. В современных обзорах охоты пигмеев на слонов, например в замечательной статье А. Кёлера «Об обезьянах и людях», вышеупомянутый способ охоты на гигантских млекопитающих не упоминается. Несмотря на то что автор подробно рассказывает о значении охоты на слонов в повседневной жизни центральноафриканских пигмеев, там упоминается, что сразу после знакомства с огнестрельным оружием бака (пигмеи) переняли навыки его использования у пришельцев и продолжают по сей день добывать серых гигантов с его помощью.

Поэтому вышеприведённое описание с подрезанием сухожилий я склонен отнести к рассказам из области «А раньше были такие богатыри, что они брёвнами крепости закидывали». При этом вполне допускаю, что в «доогнестрельные» времена столь жестокий способ охоты на слонов мог применяться, но отнюдь не в массовом порядке, а скорее как единичные случаи. Да и зачем – при наличии ловушек, которые намного безопаснее?

Кроме того, как бы то ни было, слоны в местах обитания пигмеев после таких охот уничтожены не были. Напро-

тив, именно туда и переместилась некоторая часть популяции толстокожих гигантов из саванн после освоения последних европейцами с огнестрельным оружием.

Известный немецкий натуралист, путешественник и охотник Ганс Шомбургк писал об охоте на слонов у южноафриканских племён следующее:

«Вождь Какуа рассказал мне, как люди его племени охотились на слонов в те времена, когда огнестрельное оружие было недоступно для негров. Использовались два способа. В первом ключевую роль играли, как ни странно, собаки. Специально обученные своры выпускались на одинокого слона. Возмущённый внезапным нападением нахальных шавок, гигант останавливался и пытался разметать их хоботом или растоптать; собаки уворачивались, и слон вертелся на месте. В то время охотники, пользуясь тем, что внимание огромного животного отвлечено, подкрадывались к нему сзади и вонзали копыта в слоновье брюхо, стараясь загнать их как можно дальше. Сразу убить слона таким образом удавалось редко, и обычно каждая охота стоила жизни одному-двум людям.

Второй способ, более быстрый и безопасный, позволял охотиться даже на слона в стаде. Оружием снова служило копьё, но особого рода: к прочному месту приделывали широкий железный наконечник метровой длины, с остро отточенными краями. На другом конце копья закрепляли груз – тяжёлый

деревянный чурбак или большой камень. Охотники со своим страшным оружием заблаговременно занимали позицию на высоком дереве. Когда слон оказывался под ними, люди направляли копье в цель и общими усилиями метали его, стараясь попасть в шею или под лопатку. Обезумев от боли, слон с рёвом кидался прочь, но торчавшее в нем копье погружалось всё глубже и вскоре поражало жизненно важные органы. Даже если бросок бывал не совсем точен, животное очень быстро погибало от потери крови. Жестокие способы, спору нет.

И всё же, пока применялись только они, стада слонов были во много раз больше, чем теперь, когда у чёрных племён в изобилии появились ружья».

Вне зависимости от применяемых орудий охоты – с каменными наконечниками или без – охота на слонов требовала от племени значительной концентрации человеческих ресурсов, много времени и, безусловно, удачи. Без которой охота и не охота вовсе.

Лично я склонен полагать, что куда большим успехом пользовались у наших мамонтоядных предков массовые охоты с загонем крупных млекопитающих (скорее, их групп: одиночки, как правило, более устойчивы к попыткам демонстрационного воздействия, иначе не выжили бы) в некие естественные ловушки.

Охоты такого рода описаны повсеместно – от Вайомин-

га до Пиренейского полуострова. Естественными ловушками нашим изобретательным пращурам служило абсолютно всё – от горячих фумарол до скалистых обрывов, оврагов и болотистых топей. Однако все перечисленные методы могли быть действенными лишь при довольно большой плотности популяции этих животных.

## **Хижины из мамонтовых костей**

На пиренейском нагорье Гвадаррама К. Хоуэлл раскопал несколько лагерей охотников на слонов, датированных возрастом около 400 000 лет. Он предположил, что эти люди загоняли гигантских животных в болота, а потом закалывали обессиленных гигантов самыми примитивными орудиями – копьями с обожжёнными концами. Кое-какие орудия убийства они подготавливали и на месте – из бивней и костей убитых ранее животных. В качестве средства устрашения они применяли огонь, поджигая окрестные траву и кустарники. Интересно, что основания хижин у племён Гвадаррамы были сложены из черепов и костей ископаемых слонов. Очень похожую архитектуру имели жилища древних племён Южнорусской равнины, которых тоже называют «охотниками на мамонтов»<sup>4</sup>.

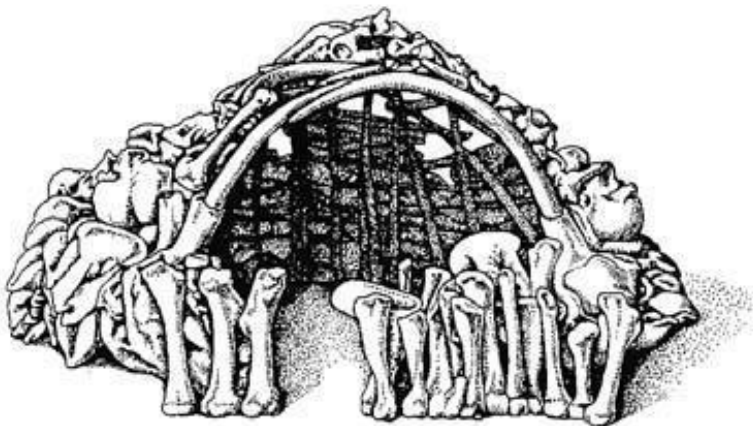
---

<sup>4</sup> Охотники Гвадаррамы не были нашими прямыми предками, а являлись боковой, тупиковой веткой развития человечества, поэтому их распространение в Южной Европе никак не стыкуется с приведённой выше схемой расселения предков современных людей.

Строения из мамонтовых костей — явление настолько необычное и редкое, что потребует нашего более пристального внимания.

Вероятно, первые хижины, сложенные из мамонтовых останков, удалось обнаружить на территории Моравии, в современной Чехии, в 80-х годах XIX столетия. Тогда археологи просто приняли их за завалы мамонтовых костей. Подсчёты говорили, что там были раскопаны костные останки девятисот-тысячи мамонтов! В 1893–1902 годах на окраине Киева была найдена Кирилловская верхнепалеолитическая стоянка. Во время раскопок разрушили три стоящих в ряд жилища из костей мамонтов. В 1908 году близ села Мезин севернее Чернигова раскопали поселение с изрядным количеством мамонтовых костей. А в начале 50-х годов XX столетия археологи вдруг поняли, что имеют дело с интереснейшим феноменом: из костей хоботных гигантов нашими предками строились настоящие хижины площадью пятнадцать – двадцать пять квадратных метров и высотой два с половиной метра!





Каркас хижины из костей мамонта.

Выдающийся исследователь ископаемой фауны (а также страстный и опытный охотник) Н. К. Верещагин рассказывает в своей книге «Записки палеонтолога»:

«Большинству из исследователей был малопонятен источник, из которого брались кости для сооружения хижины. И. Г. Пидопличко считал, что весь строительный материал был результатом охоты, во время которой было уничтожено целое стадо мамонтов. Однако в то же время он отметил, что материал „хижины“ разновременен, да ещё частично погрызен хищниками до того, как был он использован для постройки. В древности, предполагал он, нечем было расчлнять деревья, и поэтому для стройки

использовался подручный материал – кости и черепа охотничьих животных. Однако таскать к стоянке тяжёлые вонючие черепа, а затем и жить среди них вряд ли доставляло большое удовольствие. Не вернее ли, что где-то поблизости находилось природное „кладбище“ десятков и сотен мамонтов, погибших и погибавших от наводнений, и полностью мацерированные и подсохшие черепа выбирались оттуда?! Ведь такой принос трупов мамонтов мог совершаться ежегодно древней Десной. В устье мезинского оврага или в ближайшей старице могли каждой весной скапливаться туши волосатых гигантов, забитые туда волной».

Это предположение подтверждается наблюдениями, сделанными зоологами во время ледостава на реках Восточной Сибири. Исследователю В. И. Домничу на пятидесятикилометровом отрезке реки Омолон удалось обнаружить полтора десятка лосей, провалившихся под лёд и замёрзших во время ледостава. Крупный зверь, переходя по тонкому льду через реку, проваливался и безуспешно пытался выбраться на хрупкую, постоянно обламывающуюся ледяную кромку. В итоге животное выбивалось из сил и, находясь в ледяной воде, замерзало и тонуло.

Вполне возможно, что на больших реках нечто подобное происходило и с представителями мегафауны – мамонтами и шерстистыми носорогами. А уже потом кости этих зверей были оприходованы нашими предками как каркасы долговременных жилищ.

Надо сказать, что при раскопках этих хижин археологи обнаружили и такое чудо-оружие, при взгляде на которое мысль об успешной охоте на мамонтов уже не казалась столь невероятной.

Это были длинные (до 50 см в длину и 25 мм в диаметре) наконечники копий, сделанные из бивня мамонта. Возможно, именно они и увенчивали пики, которыми добивали попавших в ледяные ловушки мохнатых гигантов.

«В 1970 г. академик И. Г. Пидопличко пригласил меня на раскоп второго межиричского жилища, обнаруженного при помощи бурения рядом с первым. В раскопе 25 на 10 м на глубине 3 м виднелось тщательно расчищенное сооружение из черепов и трубчатых костей мамонтов. Это второе сооружение было явно беднее первого, так как здесь было установлено по окружности только 18 черепов мамонтов... Перед нами вновь встала загадка об источнике огромного количества костей. Костяные комплексы располагались на первой террасе в месте слияния небольших речек Росавы и Роси и в 12–15 км от долины Днепра. Быть может, и в широких долинах Росавы и Роси тоже случались катастрофические наводнения, топившие носороких гигантов. А может быть, всё было гораздо проще. Стада мамонтов переходили по коварному льду речек, и часть зверей регулярно погибала в крошеве льдин. Древние межеричи могли и сознательно загонять своих кормильцев на лёд. Барахтавшихся среди льдин и замерзающих мамонтов было уже нетрудно приколоть

копьями с наконечниками длиной 50 см из шильев мамонтовой кости. Вот только вытащить на лёд и съесть удавалось не всех зверей. Не было тракторов и лебёдок».

Хижины с каркасом из мамонтовых костей встречаются достаточно часто. Подобные сооружения были найдены и на юге Сибири – при раскопке стоянок Мальта и Буреть, а также Ачинского городища.

Как раз стационарный характер «мамонтовых городищ» свидетельствует против гипотезы о том, что именно люди сыграли решающую роль в исчезновении мамонтов. Любой охотник знает, что если в каком-то месте регулярно добывать крупную дичь, можно истребить её практически полностью. Оставшиеся в живых животные станут гораздо осторожнее, откочуют за пределы радиуса действия охотников стойбища, изменят маршруты миграций и т. д. И как это увязывается со сроками функционирования «мамонтовых хижин» – примерно от трёх до двадцати лет?

Поэтому я (как охотник, убивший сотни крупных животных) склонен полагать, что влияние наших предков на мегафауну отнюдь не было столь масштабным. Наши предки охотились по преимуществу на зверей средней весовой категории: оленей, быков, бизонов и лошадей.

# Первое оружие

Каким же оружием пользовались наши предки во время первого (и по сути – единственного настоящего) покорения планеты Земля?

Основным оружием первопоселенцев северных лесов и тундры были уже упоминавшиеся прямые палки с обожжёнными концами – протокопья.



Древние рубила.

Позднее к палкам кожаными ремешками начали крепить рубила, то есть охотники приняли на вооружение каменные

топоры. Этот вид орудий просуществовал практически неизменным до наших времён – ещё сегодня на Колыме можно встретить пни, срубленные каменными топорами юкагиров два столетия тому назад.

Следующей стала попытка увеличить радиус поражения имеющегося оружия. Этим путём человечество продолжает двигаться и по сей день. Судя по всему, первыми в ход пошли палки для метания дротиков. Затем настал черёд пращи и уже впоследствии – лука (примерно десять тысяч лет назад). Причём лук в течение очень длительного времени оставался крайне несовершенным оружием, пригодным лишь для добычи мелких животных и птиц.

Дрото- и копьеметалки были в употреблении у северных народностей вплоть до начала XX века. Сегодня подобные орудия (они называются вомёра) используются австралийскими племенами.

Интересно, что ещё в начале XX столетия аналогичный снаряд использовался аборигенами Анадырского края для добывания линных птиц.

«...Основным орудием этой охоты являлась шатина. Местные жители произносили это название как сатина, или сачина.

Мне удалось ещё приобрести этот пережиток старины. Устройство его несложно и состоит из двух частей: собственно шатины и доски. Первая представляет собой длинную, до 2,5 м длиною, и довольно тонкую лиственничную палку, обязательно

без сучков, чтобы не сломалась. На её конце укреплено одно центральное копьё и, несколько назад, три боковых („зубки“). Эти копья, или „зубки“, сделаны из железа, имеют вид полустрелы и хорошо заточены. Чтобы они не шатались, для большей прочности конец этот туго обмотан тонким шнуром. На противоположном конце шатины забит небольшой проволочный штифтик. Будучи брошенной вертикально в воду, шатина становится вертикально, так как конец с металлическими зубьями тонет.

За торчащий из воды конец палки удобно схватиться рукой. Доска представляет собой подставку для метания шатины в виде желобка, замыкающегося выступом на её переднем конце. Она подставляется под задний конец палки, который упирается в упомянутый выступ, причём штифтик входит в углубление, соответственно сделанное в выступе. Охотник, собираясь метать шатину, поддерживает её в средней части поднятым предплечьем левой руки, а правой рукой быстро толкает задний конец её с помощью доски», – пишет в 1939 году известный орнитолог Л. А. Портенко.

Аналогичные устройства, сделанные по образцу дротометалки Мезоамерики (атлатля), используются в наши дни как спортивный снаряд. Так что мы на практике можем судить об их эффективности. Экспериментальным путём доказано, что физически подготовленный человек среднего телосложения простым броском вполне способен поразить цель размером с небольшого подсвинка на расстоянии до пятнадца-

ти метров. Для снаряда, брошенного с помощью дротометалки, это же расстояние увеличивается до тридцати пяти метров. Вероятно, именно эти приспособления, а не примитивные луки были основным метательным оружием первобытных охотников. Тем более что именно наконечники дротиков наиболее часто находят на первобытных стоянках.





Дротики каменного века.

Так почему же в охотничьем и военном быту всех народов прочно укоренился лук, а дротометалки остались лишь как забавные анахронизмы у отдельных своеобразных этнических общин? Причина, скорее всего, здесь та же, что и в случае вытеснения луков огнестрельным оружием: использование лука предъявляло меньшие требования к физической подготовке стрелка. Кроме того (так же как и в случае с огнестрельным оружием), предельные возможности лука далеко выходили за физические возможности использования атлатля или шатины. То есть технически при сверхблагоприятных обстоятельствах лучник мог попасть в спокойно стоящее животное на расстоянии ста – ста двадцати метров. Шатина же не доставала туда ни при каких условиях.



Наконечники стрел.

По большому счёту, ни лук, ни атлатль, ни палица или каменный топор никогда не были основным оружием охотника. Как ни банально звучит, основными преимуществами наших предков

были возможность думать, анализировать, размышлять, смекалка и умение обобщать накопленный опыт. И это помогало людям успешно охотиться на любых животных, будь то мамонт, бобр, крокодил или перелётный гусь. Поэтому рискну заявить (и вызвать тем самым протест всех сторонников могущества древних богатырей), что основным супероружием древнего человека были самолёты.

Значительное количество мяса добывалось и в результате коллективных загонных охот.

Известно довольно много мест, которые в течение долгого времени использовались охотничьими племенами для добычи целых групп (иногда даже значительных стад) травоядных животных.

## **Коллективные охоты**

На сегодняшний день до нас дошло достаточное количество свидетельств подобных охот не только в Новом, но и в Старом Свете – в Африке, Европе и Центральной Азии. Животных загоняли на обрыв или в овраг, не имеющий второго выхода, где и забивали сверху дротиками, стрелами или ме-

тательными камнями.

Примеров подобной практики в археологии довольно много. Так, в окрестностях верхнепалеолитической стоянки Солютре во Франции у подножия обрыва, к которому охотники сгоняли табуны диких лошадей, нашли костные останки от пятидесяти до ста тысяч особей этого вида. Советский академик И. Г. Пидопличко в своё время описал Амвросиевское костище, где были обнаружены костные останки приблизительно тысячи зубров. Наряду с разрозненными костями здесь были найдены полные или почти полные скелеты зубров в анатомическом порядке. Это позволило сделать вывод о том, что в Амвросиевке древними охотниками было убито больше зубров, нежели требовалось для пропитания. Огромное стадо было загнано в овраг и перебито. В облаве могло участвовать до ста человек, найдено свыше трёхсот наконечников копий вперемешку с костями зубров. Какой бы крупной ни была община (или группа общин), выделившая для облавы сто человек, такого количества добычи не требовалось, о чём и свидетельствуют полностью сохранившиеся скелеты.

Сейчас мы можем лишь весьма опосредованно заглянуть в глубь веков, читая воспоминания о великих охотах прошлого, знакомясь с наблюдениями и описаниями, оставленными немногочисленными исследователями. Кларк Уисслер, один из немногих людей, которые наблюдали индейскую культуру в её, так сказать, «живом» виде, воссоздаёт яркую картину

## КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАГОННЫХ ОХОТ ИНДЕЙЦЕВ:

«Эти люди питали такое отвращение к труду, что не удосужились строить надлежащие загоны, а, отыскав на берегу реки какой-нибудь обрыв, выстраивались по направлению к нему и гнали туда бизонов. Если животные не погибали сразу же, они обычно так сильно калечились, что их без труда можно было добить стрелами. Правда, этот способ иногда оказывался опасным, так как если головной бизон был крепок, то, подойдя к краю пропасти, мог заартачиться, неожиданно свернуть в сторону и прорвать ряды индейцев, ведя за собой всё стадо и сметая всё на своём пути. Человек не в силах остановить стадо, которое несётся на всём скаку за своим вожаком, а потому иногда гибнут люди, стоящие недалеко от пропасти, чтобы посмотреть, как бизоны падают вниз...

У индейцев мы собрали сведения об отличительных чертах загонных бладов и пиеганов. В резервации Черноногих в Монтане есть несколько мест, которые индейцы считают бывшими бизоньими загонами. Похожие места можно найти и в резервации бладов в Альберте. Автор провёл тщательное исследование места на реке Двух Талисманов почти строго к югу от Браунинга. На южном берегу реки есть равнина, оканчивающаяся обрывом высотой в 20 метров. Самый высокий его участок расположен между двумя системами водостока или высохших русел, которые охватывают большую полосу травянистой земли. Мы сделали грубый набросок места, показывая связь между

рекой и равниной с обрывом. От самого высокого участка обрыва в направлении травянистой земли тянутся необычные груды валунов. Хотя они несколько разбросаны, их прежнее положение указывает центр из десяти или более штук, зачастую глубоко ушедших в землю. Груды эти выложены немного неправильными линиями. Расстояние между отдельными кучами варьирует от трёх до семи метров, увеличиваясь по мере удаления от обрыва. Левая линия тянется мили на две, а правая примерно наполовину меньше, хотя обе они очень нечётки. Справа имеется вторая линия, которая огибает вырез обрыва, вызванный одним из тех водостоков, которые были упомянуты в начале этого описания. Очевидно, что две основные линии камней ограждают пространство в виде неправильной буквы V, чей угол расположен ниже края обрыва. Расстояние между ними у вершины обрыва достигает 50 метров.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.